

Иван Кирпичев

**Зачерпну
я ладонью
туманы**

Иван Кирпичев

Зачерпну я ладонью туманы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39438465

ISBN 9785449383969

Аннотация

Очередной сборник стихотворений кузнеца и поэта Ивана Кирпичева не оставит равнодушным даже самого изысканного читателя. Автор великолепных булатных клинков, известных любителям холодного оружия из разных стран, воспекает в своих стихах неброскую, но притягательную красоту русской природы. Этот сборник – прогулка с автором в невообразимые по красоте миры, скрывающиеся в шуме осеннего дождя, в безмолвии снежной пелены, в шорохе падающих листьев.

Содержание

Весна	6
«Беспокойные сны у осевших снегов...»	6
«Изменяют себя на бегу облака ...»	7
«Мне кукушка с утра не считала года ...»	8
«На острый лист присела стрекоза ...»	9
«Опьяненный мерцающей в небе звездой...»	10
«В набухших почках спрятана листва...»	11
«В ожидании ранней весны...»	12
«Крутятся в пустоте медленно два ковша...»	13
«Слегка затлел небесный океан ...»	14
«Тихо щелкает на стене...»	15
«Что было – то уже давно прошло...»	16
«Солнца вечный круг. Поздняя заря...»	17
«Напророчат судьбу небеса ...»	19
«Слетев с непостижимой высоты...»	20
«Я весной, когда тронет восход...»	21
«Заманённый лихим соловьем...»	22
«В овраге журчал, пробиваясь, родник...»	23
«Мне не нужен роскошный фламинго в раю...»	25
«Лег поперек плаща черного с серебром...»	26
«На дороге стоял потерявшийся пес...»	27
«Художник Небо строит горы...»	28

«Одежд у неба полный гардероб ...»	29
«Ветер с Балтики снова кровавит закат...»	30
«Плыли одуванчики вздохами пушистыми...»	32
«Пусть не Волга, не Енисей...»	33
«Возвращаясь на круги своя...»	34
Лето	35
«Лето серое и дождливое...»	35
«На кончике зеленого листа...»	36
«В водовороте кружат хоровод...»	37
«Кто придумал синий василек?..»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Зачерпну я ладонью туманы

Иван Кирпичев

© Иван Кирпичев, 2018

ISBN 978-5-4493-8396-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна

«Беспокойные сны у осевших снегов...»

Беспокойные сны у осевших снегов:
Март нарушил покой – впереди долгий путь.
Потекут они вдаль между двух берегов.
Можно их вспоминать, но уже не вернуть.

Надоели снега, их нисколько не жаль.
Скоро станет зеленым пригорок седой.
Межсезонную грусть и о прошлом печаль
Вниз на раннюю Пасху утянет с водой.

Свои чувства к тебе прячу в складках души.
За морозным узором мир новый укрыт.
Ты однажды с утра на стекло подыши,
И растают колючие льдинки обид.

«Изменяют себя на бегу облака ...»

Изменяют себя на бегу облака —
Легковесным принять можно образ любой.
Ивы тонкая ветка трепещет слегка —
Деревянного сердца нарушен покой.

Ива мелко дрожит от ветвей до корней.
Хоть слова и не к ней – не наслушаться всласть.
Если ветер молчит – не молчит соловей.
Влита в майский пейзаж соловьиная страсть.

Чуть качает певца ивы тонкая плеть.
Он всю душу раскрыл соловьихе своей.
До рассвета не спал – он не может не петь...
Проклиная любовь, утром смолк соловей.

«Мне кукушка с утра не считала года ...»

Мне кукушка с утра не считала года —
Серый дождь убаюкал ее невзначай.
С ветром сгинул апрель, не оставив следа.
Что в душе у тебя, злой январь или май?

В желтокожем бору капли синих небес —
Пьет кукушкины сны под дождем сон-трава.
В этом мире полно незаметных чудес.
А слова о любви, ведь не просто слова?

Смотрит в небо земля миллионами глаз —
Не сморгнут, не обманут лесные цветы.
Пусть кукушка споет не одну сотню раз.
Я тебя полюбил, только любишь ли ты?

«На острый лист присела стрекоза ...»

На острый лист присела стрекоза —
Ее не взять осоковым клинком.
В фасеточные синие глаза
Ночной вселенной втиснулся объем.

Вот плещется с сомами водяной,
Но на него так просто не взглянуть.
За камышовой плотной стеной
Пугая всех, хохочет птица-Жуть.

Мохнатый леший поднимает бровь,
Иначе ему девы не видны:
Русалкам юным согревает кровь
Таинственный холодный свет Луны.

От звезд небесный купол весь седой.
Рекой в нем отразился Млечный Путь.
Небесный мир, а также мир земной —
Всех вод ночных загадочная суть.

«Опьяненный мерцающей в небе звездой...»

Опьяненный мерцающей в небе звездой,
Ее выпив серебряный свет,
Соловей до утра, словно бражник хмельной,
Выводил для подруги сонет

Одуванчиков поле вздыхает пыльцой,
Золотистый мне снится туман.
Соловьиною трель заберу я собой,
Положив осторожно в карман.

Я ее запишу на ольховом листке
Ароматной сосновой иглой.
И кусочек луны приколю в уголке,
Сполоснув его чистой водой.

Заверну в тихий плеск засыпающих рек
Поцелуй ненавязчивый свой.
И однажды тебе, добрый мой человек,
Свой подарок вручу колдовской.

«В набухших почках спрятана листва...»

В набухших почках спрятана листва.
Ее не сглазит мимолетный взгляд.
Всю красоту лесного естества
Еще скрывает мартовский фасад.

Туманы в клочья утром разорвет
На голый лес глухой кукушкин крик.
Водой исходит прошлогодний лед
На бьющихся сезонов тонкий стык.

Достала верба легкий балахон —
Пришлось одеть – апрельское тепло.
Как-будто ранний гром пасхальный звон.
Что сгнуло, но что-то и пришло.

Вздохнет устало спящая трава,
Проткнув собой коричневую грязь.
И паутинка видная едва —
Для всех времен нервущаяся связь.

«В ожидании ранней весны...»

В ожидании ранней весны
Тихо плачет синица в кустах.
Почки соком подземным полны,
Размывается лед на глазах.

Незаметно промчался февраль —
И листает деньки март уже.
Тает зимняя в сердце печаль,
Расцветает надежда в душе.

Под стрехою густые кусты
В мелких брызгах купает капель.
Прочертили когда-то мечты
Между явью и сном параллель.

Не понять то ли есть, то ли нет
Наша жизнь, что течет день за днем —
На ходу сочиняем сюжет
Некой сказки про то, как живем.

«Крутятся в пустоте медленно два ковша...»

Крутятся в пустоте медленно два ковша.
Из осевой звезды льется полярный свет.
Искоркой в небесах мчится на Суд душа
В утренний звездопад – мира на свете нет.

Врезана в небосвод млечная полоса.
Метит стрелу стрелец в рыбы хвосты комет.
Лес шелестит листвой – слышатся голоса,
Тех, что уже ушли – мира на свете нет.

Месяц – ножа порез, трудно без шва зашить.
Раны открытый край в небе сто тысяч лет.
Верят, что где-то там тоже возможно жить...
Чтобы уменьшить страх – мира на свете нет.

«Слегка затлел небесный океан ...»

Слегка затлел небесный океан —
У горизонта всполохи огня.
Белесый растворяется туман
На кромке возникающего дня.

Макушки елей в сумерках видны
Нарушен блеклым светом их покой.
Короткие тревожащие сны
Уводит ночь куда-то за собой.

Давно-давно журчит в реке вода,
Здесь лошадей поил бродяга-скиф,
Но он однажды сгинул в никуда
До капли чашу жизни осушив.

Пусть бесконечен времени отсчет —
Сто тысяч лет мелькнут, сто тысяч зим...
Пока живет земля – живет народ,
И мы теперь туманы сторожим.

«Тихо щелкает на стене...»

Тихо щелкает на стене
Из далеких времен прибор,
По несмазанной шестерне
Бьёт баланс, как по пню топор.
Льется мертвых секунд кумач —
В тишине еле слышный стук.
Время – жалостливый палач.
Стрелки чертят привычный круг.
Серебристый раздастся бой —
Вновь отмеренный час истек.
Время – видящий всё слепой.
Время – стерший язык пророк.
Скрипнет ходиков барабан —
Словно чей-то предсмертный крик.
Время лекарь и шарлатан.
Время – век, время – час, время – миг.

«Что было – то уже давно прошло...»

Что было – то уже давно прошло.
Что будет дальше – знает только Бог.
Но оголит бесстыжее тепло
Весною кожу стройных женских ног.

И кровь бежит быстрее, взглянёшь едва
На то, как в «мини» девушка идет.
Ведь где-то в закоулках естества
Запряган бесконечной жизни код.

Что было – скроет времени туман.
Что будет... Кто же знает наперёд?
Но только птиц весенний караван
Одно и то же сотни лет поёт.

Вернется всё. Кричи, иль не кричи —
Планета совершит свой оборот,
И к ранней Пасхе прилетят грачи,
И о любви напишет рифмоплёт.

«Солнца вечный круг. Поздняя заря...»

Солнца вечный круг. Поздняя заря.
Я искал мечту но, похоже, зря.
Только пыль дорог, да на сердце лед.
А моя мечта меня дома ждет.

Только пыль дорог, да лишь грязь путей.
Средь густой толпы я искал людей.
Мир такой большой, а я слишком мал.
То что не нашел – словно потерял.

Пусть растопит лед золотой закат.
Смоет с сердца грязь пенных волн накат.
В небе серый гусь мне взмахнет крылом.
Где-то далеко ждет меня мой дом.

Дикий серый гусь, погоди, постой.
Ты мою печаль забери с собой.
Пропадет она, зацветут сады.
Где-то далеко у меня есть ты.

Нежная сирень. Все кусты в цвету.
Позабыть бы все – я домой иду.
Позабыть бы все и начать опять

С чистого листа свою жизнь считать.

Солнца вечный круг. Поздняя заря.

Я вернусь к себе на закате дня.

Тихо постою и открою дверь:

«Я пришел домой, я другой теперь»

«Напророчат судьбу небеса ...»

Напророчат судьбу небеса —
У кукушек любовный сезон.
Пестрых птиц по утрам голоса —
Может песня, а может быть стон.

Белый саван смущенных берез
На опушке по краю Межи.
Я хочу знать ответ на вопрос:
Сколько жить мне, кукушка, скажи.

От цветов на поляне бело,
Пахнет первой прозрачной листвой —
И, наверное, ей тяжело
Отвечать на вопрос непростой.

Нет у серой кукушки гнезда
Нет у серой кукушки семьи.
И считает кукушка года,
Может чьи-то, а может свои.

Снег давно растопило тепло
В золотой мать-и-мачехе склон.
В лес кукушкино время пришло —
У кукушек любовный сезон.

«Слетев с непостижимой высоты...»

Слетев с непостижимой высоты
По капельке струился легкий сумрак,
Закрашивая в серый цвет мосты
И контуры на них людских фигурок.

Каким-то нежным дождиком грибным
Сочилась тьмы туманная завеса,
Стесняясь первозданной белизны
Чуть снегом припорошенного леса.

Объяла мрак кустистая сирень,
Не смея отказать ему во встрече.
Растаял тихо став прошедшим день,
А может быть спустился новый вечер.

Полупрозрачен в темноте зенит.
Волшебен пошлый мир в мгновенья эти.
Тропинкой между двух времен лежит

«Я весной, когда тронет восход...»

Я весной, когда тронет восход
Небосвода прозрачную шаль,
Вдруг уйду в свой последний поход —
В голубую звенящую даль.

Бестелесные тени богов
Населяют ту землю чудес,
А невидимый глазу покров
Стережет от досужих повес.

Разбужу спящих духов в корнях,
Поднимусь вместе с ними к ветвям
И забуду о прожитых днях,
Рассказав о себе соловьям.

«Заманённый лихим соловьем...»

Заманённый лихим соловьем,
Его редкий услышав фальцет,
Перламутр смешав с серебром,
Выползал из-за леса рассвет.

Покрывалась листвою стена
Из сгрудившихся серых осин.
Опускалась в болото луна
Цвета первых неожиданных седин.

Загорался небес уголок.
Майской ночи росистый конец
Предрекал перелетный пророк —
Замурованный в чаще певец.

Прикоснувшись не вызовет ран
Тонкой веточки гибкая плеть.
Одеялом – в ложбинке туман,
Но ему никого не согреть.

Отражая вселенскую суть
Черным зеркалом стыла вода.
Ночь прошла и ее не вернуть...
Я хочу возвратиться сюда.

«В овраге журчал, пробиваясь, родник...»

В овраге журчал, пробиваясь, родник
Сквозь толщу тяжёлых пород.
К холодной воде лось усталый приник —
Цель здешних загонных охот.

Он пятые сутки в болотах кружил,
Замучив себя и собак.
И вот напоследок напиться решил
Холодной воды натошак.

Бока подвело, подобрало живот —
Нет счёта голодным верстам.
Он думал от пули свинцовой уйдёт,
Но люди гнались по пятам...

А сердце рвалось из сплетения жил —
Собаки унюхали след...
Осеннее небо, и в нём наступил
Для зверя последний рассвет.

И сил не осталось – не дали поесть
Осинки молоденькой ствол.
И лось, сохраняя звериную честь,

Вздохнул, и под выстрел пошёл...

«Мне не нужен роскошный фламинго в раю...»

Мне не нужен роскошный фламинго в раю.
Я на стаю гусей помышляю взглянуть.
Жду, когда мне покажет пригорок свою,
Пусть и мокрую, но обнажённую грудь.

Пусть в Египте тепло, а я жду не дождусь,
Этот ранний, российский, весенний стриптиз.
Пусть ещё где-то в Африке серый наш гусь,
Но с сосулек вода так и капает вниз.

Где-то там, в Занзибарах, смешной пеликан
Ловит шустрюю рыбу в подклювный мешок.
А у нас в талых лужах ледок по утрам
Засыпает колючий и мелкий снежок.

Задержалась весна, не отходит земля,
И морозы ночами случаются тут.
Хоть от них и трещат во дворе тополя,
Я дождусь, когда гуси тепло принесут!

«Лег поперек плаща черного с серебром...»

Лег поперек плаща черного с серебром,
Россыпью жемчугов вышитый млечный путь.
Слабые огоньки – памятки о былом:
Не сосчитать наград – в звездах у неба грудь.

Ценности прошлых лет мхом поросли давно,
Прервана связь времен – где-то порвалась нить.
Некому пригубить красной зари вино,
Некому на земле память героев чтить.

Гаснущая звезда в прахе лежит земном,
Ждать от небес наград стало теперь смешно.
Жизненный смысл свой модно искать в другом,
Только без звезд вверху, станет совсем темно.

«На дороге стоял потерявшийся пес...»

На дороге стоял потерявшийся пес,
Ожидая, когда его в дом заберут.
И в собачьих глазах все читали вопрос:
«Почему я один, что я делаю тут?»

– Что сказать тебе, псина? Я тоже один.
Только я не терялся, а сам потерял,
Был, когда-то своею хозяйкой любим,
А затем, постепенно, бродягою стал.

У нас очень приятный и чуткий народ.
Не скули слишком громко, виляя хвостом.
Если кто-то услышит тебя, не поймет...
Будет грустно сначала, привыкнешь потом.

Знаешь, псина, нам люди желают добра,
Только часто куда-то спешат по делам.
Ты меня извини, но мне тоже пора.
В общем, я побежал, ну а ты дальше сам...

«Художник Небо строит горы...»

Художник Небо строит горы
Из белых шапок облаков,
Пытаясь оживить просторы,
Играя простотой цветов.

В палитре радуги мешая
Неярких красок лоскутки,
Не тихо, и не поспешая
Он делает свои мазки.

И чертит линии ветрами
На синем призрачном холсте.
Ему известными словами
Он пишет гимн о простоте.

И эти образы живые,
То растворяясь, то сойдясь,
Пусть непонятные немые,
С души людской смывают грязь.

«Одежд у неба полный гардероб ...»

Одежд у неба полный гардероб —
Забито всё по самые края.
Хоть небо и не модник и не сноб,
На каждый день, похоже, есть своя.

Не устают в небесной мастерской;
Считать фасоны – тратить время зря,
Там шьется каждый час наряд другой:
«Рассветный миг», «вечерняя зоря»...

Расшитый жемчугами в сто карат,
Что звездами горят в прозрачной мгле,
Накинет небо легкий свой халат
Для скромного ночного дефиле.

Сотрет с людских сердец налет дневной,
Земли коснувшись темным рукавом,
Как одеялом, их укутав тьмой,
От страхов и забот накроет сном.

И снится жизнь... Лишь ворохи одежд
Порой напоминают о былом,
Да контуры потерянных надежд
Как облака на небе голубом.

«Ветер с Балтики снова кровавит закат...»

Ветер с Балтики снова кровавит закат,
Развязав майской ночи глубокий мешок.
В темноте одуванчики желтые спят,
Завернув недозревших семян узелок.

Завалилось на землю крыло-горизонт,
Край небес щеткой перьев из елей задев.
Там не спят соловьи – брачный снова сезон.
Я послушать пришел их волшебный напев.

Незнакомая птица поет поутру.
Я укутаюсь в теплое марево грёз.
Чтоб напиться, в ладонь серебро соберу
Не росу, а бриллианты русалочьих слёз.

Где-то в тонких ветвях, как в сплетении жил,
Перелетный певец, словно сердце, дрожит.
Он о том, как мечтал, и о том, как любил
Бессловесную песню щебечет в зенит.

Не желает худеть отрывной календарь —
Не считаю прошедших и будущих дней.
На зеленой травы я прилягу алтарь,

Чтобы слушать, как что-то поет соловей.

«Плыли одуванчики вздохами пушистыми...»

Плыли одуванчики вздохами пушистыми.
Голосами птичьими охала листва.
Соблазнял любимую строчками цветистыми.
И росой плакала смятая трава.

Колей ромашковой, васильковой поступью,
Страсть неугомонная бродит по душе.
И в глазах сияющих серебристой россыпью,
Звезды отражаются тусклые уже.

Напою желанную радостью безбрежную.
Растревожил сердце нам соловьиный крик.
Лето раскошелилось этой ночью нежною —
Возвратило молодость на короткий миг.

«Пусть не Волга, не Енисей...»

Пусть не Волга, не Енисей,
Ей хватает своих красот.
Чтоб ни думали мы о ней,
А Торопа себе течет.
За сезоном идет сезон:
Пыль июля, январский лед.
Крик младенца, последний стон,
А Торопа себе течет.
Жизнь не поле и не большак,
То стремнина, то поворот.
То дубрава, а то ивняк,
А Торопа себе течет.
Приходилось не раз встречать
Молодым у реки восход.
Много помнит речная гладь,
А Торопа себе течет.
Купола вековых церквей
Молча смотрят в пучину вод.
Мы теряем своих друзей,
А Торопа себе течет.
Белой чайки надрывный крик.
Пролетает за годом год.
От рожденья до смерти – миг,
А Торопа себе течет.

«Возвращаясь на круги своя...»

Возвращаясь на круги своя,
Медленно сменяются сезоны —
Вновь весна и снова песни-стоны
О любви маэстро-соловья.

Светом наполняется восток —
Бесконечен бег светил по кругу.
Ищет соловей свою подругу —
Легких перьев маленький комоч.

Зеленеет на березе лист,
Сонный майский жук как будто пьяный,
И несется над лесной поляной,
То ли птичий стон, а то ли свист.

Между тьмой и светом на краю
Быстрый миг не зря певцом потрачен,
Хоть маэстро может быть невзрачен...
Замолчал – нашел любовь свою.

Лето

«Лето серое и дождливое...»

Лето серое и дождливое,
Бездорожное, комариное.
Обложило всё. Чередой дождей —
Беспрестанно льет уже сорок дней.

Мокрый травостой – выше головы,
В небе серый цвет – вместо синевы.
Под стрехой котел – полный натекло...
Трудно позабыть, всем чертям назло.

Лето серое и дождливое,
Беспросветное, торопливое.
Солнца желтый круг – редко, на чуть-чуть...
Стылая любовь не согреет грудь.

«На кончике зеленого листа...»

На кончике зеленого листа
Искрилась робко капелька росы;
На тонких ветках чахлого куста,
У края спящей лесополосы.
Вставало солнце. Его тусклый свет
Еще не грел, касаясь как слепой,
А может как пресыщенный эстет,
Что брезгует обычной едой,
Чуть пробуя шершавые стволы,
Ночную загоня тень,
На туго заплетенные в узлы суки берез.
И начинался день...
Еще один в ряду таких же дней.
Пустых, как прошлогоднее яйцо
В весенней кладке диких сизарей...
Я вспоминал забытое лицо.

«В водовороте кружат хоровод...»

В водовороте кружат хоровод
Упавшие на воду мотыльки.
И каждый год малиновка поет
У заводи извилистой реки.

На поле наступает не спеша,
Темнеющий на взгорке хвойный лес —
Колючая еловая душа.
Лес ведь с душой, лишь кажется что – без.

Смолой затаяет след от топора,
Там где коры коснулась грубо сталь.
Не жалко промелькнувших снов с утра,
Да и вообще, прошедшего не жаль.

Малиновка опять в кустах поет.
Лежит туман, а кажется, что снег.
А на дворе четырнадцатый год.
А кажется – четырнадцатый век.

Укрыта заводь медленной реки
Туманным чуть изношенным сукном.
Плывущие куда-то мотыльки —
Едва заметным на воде пятном.

«Кто придумал синий василек?..»

Кто придумал синий василек?
Кто сумел мои мечты предвидеть?
Кто изобразить так точно смог,
То, что я всегда хотел увидеть?

Кто придумал песни соловьям?
Облака на днище синей чашки?
Кто влюбляться дал возможность нам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.